

{jumi [googlesearch.txt]}

...

Так или иначе, благодаря Любочке в число ближайших друзей семьи вошёл Валентин Иванович Вольпин (1891–1956). «Валя» был из тех, про кого говорят: сразу видно — поэт. В смысле, на службу не ходит и кудри до плеч. Это был преданный литературе человек, не чуравшийся чёрной работы. Своё нежное отношение к Любочке, не прерывавшееся до взаимной старости, Валентин Иванович перенёс в Москве на моих родителей. Когда началась война, эвакуированные в Ташкент Вольпины в количестве трёх еврейских душ спали у нас на Ленина 24 на полу. Валентин Иванович, совсем уже бескудрый, с какими-то шишками на лысой голове, был плох, постанывал, Любочка его отхаживала.

....

Тут как раз в Ташкент приехал сам Сергей Александрович Есенин (1895–1925), с которым Вольпин подружился в 1920 году в Москве, где тогда временно работал. 25 мая состоялся вечер Есенина в Туркестанской публичной библиотеке. Из воспоминаний Вольпина (1926) [12]:

На все просьбы присутствовавших прочесть хотя бы отрывки из «Пугачёва», к тому времени вчерне уже законченного, Есенин отвечал отказом. Однако он почти целиком прочитал свою трагедию через два дня у меня на квартире. Долго тянулся обед, затем чай, и, только когда уже начало темнеть, Есенин стал читать. Помнил он всю трагедию на память и читал, видимо, с большим наслаждением для себя.

Он кончил... И вдруг раздались оглушающие аплодисменты.

Аплодисменты из-под вольпинских окон бабушка запомнила, а вот про авторское чтение «Пугачёва» ничего не говорила: событие было ей не по возрасту.

След, однако, не засох. Через 67 лет, под новый 1989 год, бабушке пришло письмо из ташкентского есенинского музея:

Будем очень признательны, если Вы опишете нам тот дом и комнату В. И. Вольпина, где С. Есенин читал «Пугачёва», Это для нас важно, т. к., возможно, будем восстанавливать интерьер, где важны все детали.

К тому времени у меня уже сложились сердечные отношения с народным музеем — вместе хлопотали перед городскими властями о передаче под него дома, в котором жил Вольпин. Землетрясение этот дом пощадило. Пощадили ли власти, не знаю.

...

Мы жили в начале Малой Дмитровки, а прогулку совершали по Тверскому бульвару (или параллельно ему по Большой Бронной) и шли до Спиридоновки. Там в самодельной пристроечке, которая казалась глинобитной и потому ташкентской, жил Валентин Иванович Вольпин (1891–1956) со своей супругой Диной Эммануиловной и дочерью Наташей. Прежде чем двинуться обратно, мы наносили Вольпиным визит.

...

Откуда взялся Вольпин, я уже рассказывал, — от Любочки. С ней и её сестрой Кларой, но также и с Пославскими он дружил в бытность свою долговолосым ташкентским поэтом. В Москве моим родителям дружба Вольпина досталась как бы по наследству. Всю свою жизнь Валентин Иванович пытался жить литературным трудом. Он был профессионален, но вряд ли удачлив. К примеру, коллекционировал русскую эпиграмму, однако издать свою коллекцию не сумел. Его вдумчивая статья [29] об Ахматовой, погребённая в 1917 году в каком-то невзрачном журнальчике, увидела свет лишь посмертно, и то совсем недавно. Писал о Есенине, одной из жён которого была его двоюродная сестра переводчица Надежда Вольпин. Издал собрание есенинских автобиографий [30].

Компанию друзей, собиравшихся за родительским столом, Валентин Иванович потчевал писательскими байками, первоисточником которых служил, как я понимаю, его племянник «Миша» Вольпин, успешный московский литератор. Я, притворяясь спящим, слушал, давился смехом, мотал на ус.

Напечатанными, лирические стихи Вольпина мне довелось увидеть только в ташкентском сборничке 1919 года «Листопад» (в нём же — А. Ширяевец, Н. Сибиряк, Джура, то есть Ю. Пославский, несколько не известных мне имён). Зато у меня хранится большой машинописный сборник, который Вольпин подарил в 1949 году моему отцу к 50-летию:

КНИГА «КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ»

напечатано в одном экз.

Настоящий экземпляр

принадлежит

просвещенному любителю книг

и ценителю поэзии

потенциальному меценату

АНТОНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

САХАРОВУ

В сборнике много акростихов, они посвящены поэтам и друзьям ташкентского круга — вашей бабушке Арише, её матери Любочке, её тёте Кате Назаровой, Ляле Пославской, но и «Серёже» Есенину. Самые ранние стихи мечены Кокандом и Ташкентом и датированы 1915–1916 годами. При внимательном прочтении самиздатской книги Вольпина я обнаружил в ней кое-что любопытное.

...Зáлит огнями ночной ресторан,

Я уже пьян, в зале туман.

Вдруг предо мною возник силуэт —

Синий жакет и берет.

Вижу, ведь это Катюша моя,

Катя — бумажный ранет,

Та, о которой я думал всегда,

Лучше её в мире нет...

Песня в памяти моих студенческих лет имела широкое хождение в народном варианте, в котором отброшен непонятный «бумажный ранет». Это место пели так:

Катя-Катюша, девчонка моя,

Валентин Вольпин

Клара Сауловна, Любовь Сауловна

Ефим Вайнштейн

(Ташкент, 1910-е ?)

Помнишь ты знойное лето это? —

Та, о которой я думал всегда,

Лучше её в мире нет.

Тут немного изменены размер и мелодия, возникла внутренняя рифма, а внешняя потерялась. Хуже не стало. Однако в доме моего детства, когда за столом собирались земляки-ташкентцы, песня звучала именно так, как она дана в сборнике Вольпина — с

непонятным бумажным ранетом. Не сорт ли это яблока?

Существовал даже фильм Фридриха Эрмлера «Катка — бумажный ранет» (1926) — «один из первых опытов советской социально-бытовой драмы». Не знаю, что тут первично: фильм или вольпинская песня.

Еще неожиданней было найти в «Кастальском ключе» такое:

Крутится, вертится

Шарф голубой,

Крутится, вертится над головой,

Крутится, вертится,

Хочет упасть,

Кавалер барышню хочет украсть...

Песня про «шар» голубой считается народной. Иногда авторство приписывают великому князю Константину Романову — поэту К. Р. Или всё-таки автор — Вольпин? Но возможно, что Вольпин лишь добавил к двум общеизвестным куплетам три своих.

Стихотворение «Жизнь», датированное у Вольпина 1916 годом, поражает сходством с известной вещью Юрия Левитанского — «Жизнь моя — кинематограф, / Чёрно-белое кино».

Жизнь — экран. И на экране,

Бело-сером полотне,

Словно в сумрачном тумане,

Тени движутся во сне.

Это — наши увлечения,

Наша молодость и сны, —

Всё, во что любовь и пенье

В жизнь-игру вовлечены...

А вот кусочек из Левитанского:

Но в великой этой драме я со всеми наравне

тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне...

И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,

как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны...

Тема, её повороты — всё, как у Вольпина, да и рифмы те же! Возникает мысль, что Левитанский ткал по вольпинской канве. Где-то когда-то услышал, и запало.

Результат: никому не известная вещь Валентина Вольпина обрела новую жизнь в стихотворении более успешного собрата. А потом эту новую жизнь продлила музыка Виктора Берковского, получилась песня.

**Полный текст книги Дмитрия Антоновича Сухарева "Голошение волн" доступен на его [сайте](#) **

{jumi [susharev.txt]}

{jumi [googleadsense.txt]}